
ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

Ф.В. Юнусова, И.Ш. Юнусов*Бирский филиал**Баширского государственного университета**г. Бирск, Россия.*

ildar_yun@rambler.ru

**НАЦИОНАЛЬНОЕ В ПОЭТИКЕ
КЛАССИЧЕСКОГО ТАТАРСКОГО СОЦРЕАЛИЗМА
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА КАВИ НАДЖМИ
«ВЕСЕННИЕ ВЕТРЫ»)**

**[*Fania V. Yunusova, Ildar Sh. Yunusov* National in the poetry
of classical Tatar socialist realism
(on the example of the novel "Spring Winds" by Kavi Nadzmi)]**

The literature of socialist realism has its own unique peculiarities, its aesthetics. The main features of socialist realism in national literatures were often expressed more distinctly than in Russian literature. Kavi Nadzmi's novel "Spring winds" is one of the most representative works of the Tatar socialist realism. The themes such as "friendship of peoples" and "proletarian internationalism" were at the center in the paradigm of socialist realism. Twenty nine ethnonyms are mentioned in this novel. Nevertheless, the major attention is paid to the relations of the Tatar and Russian peoples on the eve of the events in 1917. In "Spring winds" the Russian person is depicted as an elder brother, a teacher and a guardian of the Tatar people. Not only the communist ideology but also a concrete political situation influenced the manner of the depiction of each of these nations. The classical works of the Tatar socialist realism were shown as an ideological product in the first place.

Key words: Tatar social realism, Kavi Nadzmi "Spring winds", Tatar and Russian people.

В литературе социалистического реализма феномен национального разре- шался преимущественно в идеологизированном ключе. Принципы «дружбы народов» и «пролетарского интернационализма» были одними из основопо- лагающих столпов социалистической идеологии. Не является исключением в этом смысле и роман Кави Наджми «Весенние ветры».

Тема дружбы народов в главном произведении Кави Наджми является ве- дущей. Ее важность отмечали многие исследователи [1; 5; 10]. Она обуслов-

лена несколькими факторами. Во-первых, пролетарский интернационализм был одним из важнейших принципов советской идеологии и литературы социалистического реализма. И строго в рамках, заданных коммунистической партией, писал и высказывался Кави Наджми. Еще в 1934 г. в выступлении на I Всесоюзном съезде писателей он обозначил свои подходы к данной теме исключительно в духе времени: «Товарищи, Татарстан до самой Октябрьской революции представлял собой типичный уголок колониальной тюрьмы народов, где трудящиеся массы испытывали двойной гнет – российского самодержавия и национальной буржуазии» [8, с. 5]. В этом же докладе Кави Наджми осуждает националистическую, с его точки зрения, направленность творчества «татарских либерально-буржуазных писателей» [8, с. 7].

Во-вторых, актуальность темы дружбы народов в «Весенних ветрах» обусловлена выходом в свет знаменитого постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в татарской партийной организации» от 9 августа 1944 года. В свою очередь бюро Татарского обкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории». В его постановлении есть следующие строки: «Организовать научную разработку истории Татарии и татарской литературы, обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков, против царизма и помещичье-капиталистического гнета, а также истории социалистического преобразования Татарии в период советской власти, на популяризацию выдающихся деятелей, ученых и революционеров татарского народа и его сынов-героев Отечественной войны» [3, с. 103]. В списке среди вызванных на бюро по этому вопросу восьмым по счету значился и «К. Наджми – писатель» [3, с. 105].

Впоследствии он признавал прямую связь этих постановлений и своего главного произведения: «Романом “Весенние ветры” я постарался выполнить этот долг в меру своего таланта, сил и знаний» [7, т. 4, с. 225].

В-третьих, нельзя не заметить, что интерес Кави Наджми к теме дружбы народов давало о себе знать и задолго до «Весенних ветров» [1; 4; 5].

В романе в той или иной форме используются 29 этнонимов: татары/булгары/мещеряки, русские, немцы/германцы/пруссаки, чувашаи, украинцы, тур-

ки и другие. Все это свидетельствует прежде всего о широте замысла романа, о стремлении автора включить в художественный мир произведения и многонациональность России, и вовлеченность многих народов в те события, которые описываются в книге. Ведущие роли в романе играют татары и русские.

Татарский мир в романе строго поделен на две части: плохих баев и их приближенных и хороших бедняков. Татарские богачи и их идеологи с первых страниц романа стремятся внушить мысль о единстве татарской нации: «Мы, мусульмане, люди одной нации, одной веры, и наше национальное единство нерушимо. Народ наш не разделен на два лагеря, как у русских. Богач ли, бедняк ли – одна нация» [6, с. 71]. Именно в их мире чувствуется неприятие русского, осуждается само общение с ними: об одном исчезнувшем молодом татарине жена Иманкола-хаджи говорит: «Откуда мне знать? Ходит, наверное, где-нибудь с русскими, пьет да в грязи валяется. На голове картуз, во рту фифируз...» [6, с. 143].

Вместе с тем татарские богачи вполне приемлют царскую власть: «Триста лет тому назад, – говорил Юнус-бай, – и наши предки участвовали в соборе при избрании на царство Михаила Романова. Значит, русский царь является падишахом и нашей нации» [6, с. 260]. В романе Кави Наджми национальная вражда между русскими и татарскими рабочими оказывается выгодной для русских властей и татарских баев: «Стараясь отвлечь массы от революционной борьбы, власти и полиция, с помощью мулл и попов, начали сеять национальную вражду между русскими и татарами, особенно на... крупных предприятиях» [6, с. 100].

В конце романа концепция единства татарской нации терпит крах. Ее идеолог, Мубаракша Халилов, оказывается провокатором. В его лице развенчиваются «пантюкистские» и «панисламистские идеи». И, напротив, в романном мире «Весенних ветров» простые татарские люди относятся ко всему русскому чрезвычайно позитивно. Так, XV глава, озаглавленная «Русские люди», пафосно завершается следующими строками: «“Поможем!”, “Выручай сестренку!” – все еще звучали в ушах их слова, и Мустафа думал: “Вот они, русские люди!...”» [6, с. 129]. Или в другом эпизоде именно знание русского языка татарским мальчиком оказывается лучшей рекомендацией для приема на работу в типографию: « – Максимыч, как думаешь, не прогадаю я с этим парнем?

Максимыч, стерев с рук жирную краску бросовой бумагой, поднял очки на лоб и внимательно посмотрел на Геря.

– В медресе учился?

– Нет.

– Значит, читать не умеешь?

– По-русски умею.

– Вот как! Где же ты научился?...

– Бери, – заключил Максимыч, – мальчик, видать смышленный» [6, с. 167].

Симпатии повествователя легко угадываются. Волгу он заменяет красно-речивым перифразом «великая русская река» [6, с. 9]. Говоря о русской подруге Саимы повествователь пользуется несомненно позитивными эпитетами: «...красивая, светловолосая девушка» [6, с. 45]. Более того, в романе Кави Наджми абсолютно все русские женщины без исключения показаны только в позитивных тонах.

С первых страниц произведения жирным шрифтом (а он используется единственный раз в романе!) подчеркивается: «*Что русский мужик, что татарин мужик – никакой разницы нет*» [6, с. 10]. Мотив пролетарского интернационализма пронизывает всю художественную систему романа. Татарский большевик Джалил на митинге «говорил... о революционной борьбе русского народа против царизма, в которой баи и муллы всегда были на стороне царя, а трудовой татарский народ – на стороне русских рабочих и крестьян...» [6, с. 374].

Весьма показательными в художественной системе романа оказываются позитивно окрашенные фразы следующего типа: «Еще постучали, и минуту спустя по всей квартире зазвучали русская и татарская речь» [6, с. 149]; или «слышались русские и татарские слова» [6, с. 280]. Для художника русско-татарская речь – показатель естественности отношений простых людей. Своеобразным апофеозом этих отношений является свадьба Хасана Айвазова и Насимы в Баку: «Свадьбу я (Ксения. – Ф.Ю., И.Ю.) им устроила. Одни только дружки жениха говорили на девяти языках. Такой же рабочий народ, как и мы...» [6, с. 150]. Вместе с тем эти естественные отношения полностью соответствуют принципам пролетарского интернационализма, который проявляется и в политической борьбе: «А площадь в это время расцвела красными знаменами, транспарантами на русском и татарском языках» [6, с. 363].

Человек в романе Кави Наджми принципиально не оценивается по этнической принадлежности. Он оценивается исключительно по отношению и действиям в интересах трудового народа. Именно эти люди называются в романе «лучшими людьми русского и татарского народа».

Как о чем-то обыденном говорится, что «Раушана с Насимой ушли в соседнее село, к другу старика Саубана, Кузьме Михайловичу, попросить хоть немного ржаных отрубей на похлебку» [6, с. 18]. Союз русских и татар подкрепляется авторитетом Габдуллы Тукая. Герей «...с горячими нотками в голосе продекламировал: *Здесь родились мы, здесь росли, и здесь мы встретим смертный час! / Вот с этою русскою землей сама судьба свела нас. / Прочь, твари низкие, не вам, не вам смутить мечты святыя! / К единой цели мы идем, свободной мы хотим России*» [6, с. 282].

На протяжении всего романа русский человек приходит на помощь к татарам в самые критические минуты. Приведем только некоторые примеры. «Больной совсем ослаб, стал чувствовать себя все хуже и хуже, и тогда, по совету слесаря Алексея Халявина, с которым дружил Мустафа, его положили в городскую больницу» [6, с. 28]; «Внезапный уход семьи никого из обитателей барака не удивил и особенно не обеспокоил. Только старая Серафима, мать Алексея Халявина, проводила Малику с дочерью до самого берега, словно близких своих родных» [6, с. 29]; «Шурин Юнус-бая, Хаммат, гостивший у Валишиных после окончания стамбульского медресе увидев в доме хорошенькую горничную, стал приставать к ней с гнусными предложениями и, получив пощечину, пустил про нее позорящий слух. Девушка не вынесла этого, бросилась в ледяную воду Казанки. Если бы не Алексей Халявин, случайно оказавшийся в этот вечер на берегу, Саимы уже не было бы в живых» [6, с. 50–51].

Во многом под влиянием русских людей татарские герои романа отказываются от вековых ценностей. Древние, освященные исламом обычаи мусульман, требовали от женщины беспрекословного подчинения воле мужа. «“Когда женишься, бери жену с выбором, бери, связав ей руки и ноги!..”. “Воля мужа – закон Аллаха”. “Лошадь учи кормом, жену – кнутом”. “Курица – не птица, женщина не человек”. С детства слышала Насима подобные поговорки, и сейчас все ее существо протестовало против диких, жестоких обычаев. Вот она пройдет сейчас по самой людной дорожке с открытым лицом, и пусть потом говорят о ней что угодно! Она не боится. Она – человек!» [6, с. 140].

В романе татарского писателя русский человек показан как старший брат, выступающий в роли просветителя и наставника. Даже русский мальчик Гриша учит читать татарского мальчика Геря. «И с тех пор как Герей постиг значение букв, перед ним стал открываться новый, до сих пор неведомый мир» [6, с. 86].

В описании русско-татарских отношений в некоторых эпизодах все же нарушены законы художественного правдоподобия. Скажем, трудно представить, чтобы сразу же после отмены крепостного права в 1861 году русский *рабочий* обращался к татарам-крестьянам: «Своя родина – своя земля! Меряйте ее вдоль и поперек и делите между собой. Кто будет мешать – руби топором! На то у нас теперь полная воля!» [6, с. 11]. Не совсем логичным кажется включение в роман листовки со следующими словами: «Проклятая история самодержавия оставила нам в наследство громадную *отчужденность* рабочих классов разных народностей, угнетаемых этим самодержавием. Такая отчужденность есть величайшее зло...». Заканчивалась листовка призывом ко всем рабочим-мусульманам объединиться с русскими рабочими в их борьбе против хозяев-купцов, заводчиков и фабрикантов» [6, с. 79]. (Выделено нами. Ф.Ю., И.Ю.). Данный фрагмент явно противоречит всему предыдущему тексту, где как раз в рабоче-крестьянской среде между татарами и русскими, рисовались едва ли не идиллические отношения.

Правда, позднее, автор покажет кулачный бой между русскими и татарами, вызывающий многочисленные фольклорные и литературные ассоциации. Но это выглядит в романе случайным явлением. Тем более, как выяснится позднее, это была продуманная провокация со стороны властей, стремившихся отвлечь таким образом народ от революционных настроений.

Такого рода противоречия, определенные натяжки, необоснованный авторский волонтаризм можно объяснить стремлением писателя соответствовать политическому духу эпохи, а, возможно, и наличием желания подстраховаться. Известно, что Кави Наджми обвиняли в 1936 г. в том числе и в национализме, в создании «пантюристской военной организации» [9, с. 14]. Идеологическая подоплека ощущается и во введении в роман фигуры чувашского парня Егора, которого любит татарская девушка Саима. Примечательна реплика лежащего в лазарете украинского солдата по поводу того, что по примеру Украинской рады хотят создать Волжско-Уральский штат. «Украинец долго молчал. Потом взмахнул огромным, забинтованным в марлю кулаком и сказал: «Знаем мы эту раду... Буржуи! Огненная метла требуется теперь. Каленое железо...» [6, с. 396].

Общая интернациональная направленность книги Кави Наджми нарушается при изображении немцев. В самом начале романа читаем: «По-видимому, не случайно «дворянская царица», одержав победу в крестьянской войне, отвела прусским проходимцам плодородные земли по берегам великой русской реки. Быстро размножились семейства немецких колонистов. Из их среды выросли многие помещики и промышленники – хозяева металлургических заводов, угольных шахт, железных дорог и крупнейшие коммерсанты и банкиры, делившие на российских биржах огромные прибыли...» [6, с. 9]. Самое использование повествователем фразы «прусские проходимцы» о немцах, искавших лучшей доли на просторах России, в том числе и, пожалуй, в первую очередь, беднейшие слои населения, оставляют у современного читателя неприятный осадок.

В романе в определенном смысле «плохие» немцы противопоставлены хорошему русскому: «...прочитав перед сходом на ломаном русском языке царский манифест, он (Эгерс. – Ф.Ю., И.Ю.) презрительно бросил тиганялинцам, почесывая правую ладонь: – Швайн, нет!

Радовавшиеся вначале манифесту как закону о воле, о земле крестьяне зашумели: – Почему немец нас дразнит? – Надо, чтобы русский человек прочитал манифест! Немец обманывает нас!» [6, с. 9–10]. Соответственно, и простые татарские люди позволяют в романе себе такие фразы: «А плевать нам на этого немца, пошли!» [6, с. 46].

Интересно соотнести этот фрагмент с автобиографической книгой Амирхана Еники «Страницы прошлого». Там тоже констатируется, что у немцев, живших в Давлеканово (современный Башкортостан) в первой трети XIX века, самые большие мельницы, самые большие поля с хуторами, различные торговые фирмы, но описывается все немецкое с любовью: «Идешь, бывало, по немецкой слободе, будто попадаешь в иной мир. Улицы здесь широкие, устланы зеленой травой, дома и надворные постройки все из белого кирпича, сделано прочно и аккуратно, при каждом доме фруктовый сад, во дворах цветут какие-то диковинные растения. Всюду чистота, порядок. Я, еще совсем маленький, был просто влюблен в один немецкий дом» [2, с. 131].

Конечно, в «Весенних ветрах» писателем учитывалась только что закончившаяся война с немцами. Но не менее дает о себе знать и то, что партия осудила русских немцев и выселила их из Поволжья. Чуткое следова-

ние писателем политической и литературной конъюнктуры обусловило известные противоречия в романе и ослабляло художественную силу в целом весьма интересного произведения.

Универсальная, гуманистическая и потому во все времена привлекательная идея дружбы народов в романе Кави Наджми локализуется в рамках коренных народов государства, а поскольку события происходили в Казанской губернии, то преимущественно ограничивается дружбой татар и русских. В романе русские становятся идеологической категорией. Все русские женщины в «Весенних ветрах» показаны исключительно в позитивных тонах. И в целом русский человек в романе показан как старший брат, учитель и наставник.

Концепция дружбы народов в романе включает в себя только трудовые слои населения. Принцип пролетарского интернационализма вытесняет универсальный принцип дружбы народов, который во многом остается лишь декларацией, поскольку легко подчиняется политической конъюнктуре как в случае с изображением немцев.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Гизатуллин Н.Г.* Кави Наджми (1901–1957) // История татарской советской литературы. М., 1965.
2. *Еники А.* Страницы прошлого. Казань, 1998.
3. *Измайлов И.Л.* Не дано марксистской оценки Золотой Орде // Эхо веков. Казань, 1996. № 3/4.
4. *Кирьянов С.Л.* Кави Наджми и татарская литература // *Наджми К.* Весенние ветры. М., 1963.
5. *Маннурова М.Ш.* Революционное братство. Казань, 1977.
6. *Наджми К.* Весенние ветры. Казань, 1986.
7. *Наджми К.* Сочинения: В 4 т. Казань, 1958.
8. *Наджми К.* Татарская художественная литература (Доклад на первом Всесоюзном съезде советских писателей). М., 1937.
9. *Нежметдинов Т.* Течения и водовороты жизни // Казань. 2000. № 10.
10. *Хайри Х.* Историко-революционный роман // *Хайри Х.* Современная татарская литература. Очерки. Казань, 1957.

R E F E R E N C E S

1. *Gizatullin N.G.* Kavi Nadzmi (1901–1957) // History of Tatar Soviet Literature. M., 1965.
2. *Eniki A.* Pages of the past. Kazan, 1998.
3. *Izmailov I.L.* "It is not given a Marxist evaluation of the Golden Horde" // Echo of the Ages. Kazan, 1996. No 3/4.
4. *Kiryanov S.L.* Kavi Nadzmi and Tatar literature // *Nadzmi K.* Spring winds. M., 1963.
5. *Mannurova M.Sh.* Revolutionary brotherhood. Kazan, 1977.
6. *Nadzmi K.* Spring winds. Kazan, 1986.
7. *Nadzmi K.* Works: In 4 vols. Kazan, 1958.
8. *Nadzmi K.* Tatar Fiction (Report at the First All-Union Congress of Soviet Writers). M., 1937.
9. *Nezhmetdinov T.* Flows and whirlpools of life // Kazan. 2000. No 10.
10. *Hayri H.* Historical-revolutionary novel // *Hayry H.* Modern Tatar literature. Essays. Kazan, 1957.

12 ноября 2017 г.
